

Концептуальный признак «много спать – плохо», отражен в ряде паремий, при этом подчеркнуты последствия этого: «много спать – укоротить себе жизнь» - *кто больше всех спит, тот меньше всех живет; много спать — мало жить: что проспано, то прожито* [1;320], в польском языке - *długi sen, krótkie życie* [6;381]; «много спать – обеднеть» - *кто долго спит, тому денег не скопить; долго спать — с долгом встать; кто поздно встает, у того хлеба нестает* [1;320]. Сон – синоним лени: *сонлив, так и ленив*.

Сон (сновидение) характеризуется тщательным вглядыванием в него, прочитывается или разгадывается с точки зрения его связей с реальной действительностью (*вещий сон, сон в руку*). С одной стороны, сон может предвосхищать события, предрекать их (*вещий сон*), с другой - концептуальный признак «сновидениям не надо придавать значения» отражен в паремиях *куда ночь, туда и сон; грозен сон, да милостив бог* [1; 320]. В польском языке этот признак закреплен в культурно-специфичной паремии с внутренней рифмой *sen mara - Bóg wiara* [8; 466].

Характер сновидения (прекрасный сон), а также состояние, позволяющее уйти от реальной действительности, во многом предопределил развитие переносного значения лексемы «сон» – *мечта*. Концептуальный признак «сон – мечта, нечто прекрасное» закреплен во фразеологизмах *и во сне не снилось, być, zdawać się snem*. В польской фразеологии лексема *сон* выступает в компаративном устойчивом сочетании: *piękny jak sen*. Сон характеризуется быстротечностью, имеет ограниченные временные рамки, быстро проходит. В польском языке это отражено во фразеологизме *niknąć, przeminąć, zniknąć jak sen* [8; 466].

Как показал анализ, вербализация концепта *сон/sen* в русской и польской фразеопаремииологической системе характеризуется высокой степенью близости, что находит отражение как в общих концептуальных признаках, так и в амбивалентной аксиологичности концепта. Культурно-специфические особенности во многом предопределены внутренней формой фразеологизмов и паремий, а также лакунарностью некоторых концептуальных признаков.

Литература

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль.- М.: Олма – Пресс, 1999.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.
3. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986.
4. Цветаева, М. Сочинения в 2-х т. / М.Цветаева. – М.: Худож. литература, 1980. – Т.1.
5. Черкашина, Э.А. Концепт сон / dream: лингвокультурологическая специфика / Э.А. Черкашина // Вестник Ставропольского гос. университета. – 49. – 2007. – С. 172 – 177.
6. Dereń, E. Słownik języka polskiego z frazeologizmami i przysłowiami / E. Dereń, T. Nowak, E. Polański. – Warszawa, 2005.
7. Słownik języka polskiego PWN.- Wydawnictwo naukowe PWN.- Warszawa 2002.
8. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. - Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2011.

З.К. Темиргазина (Павлодарский государственный педагогический институт)

ЗАПАХ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ В ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ОБОНЯНИЯ

Изначально в прототипической ситуации обоняния запах выполнял функцию непосредственного объекта обонятельного восприятия, которая является для него первичной и основной. Именно эта роль запаха вербализована прежде всего в ситуации обоняния, затем в ходе развития лексической и грамматической системы языка, углубления и обобщения содержательно-смысловых связей и логических отношений в ней

роль запаха была переосмыслена носителями языка и ему была присвоена функция субъекта, способного к самостоятельному существованию и действию.

На семантико-грамматическом уровне глубинная структура пропозиции обонятельного восприятия была, таким образом, преобразована в две основные поверхностные структуры, в первой из которых субъектом восприятия выступал человек, объектом – запах, во второй, производной от первой, запах выполнял роль субъекта.

Первая поверхностная структура непосредственно отражает прототипическую ситуацию обоняния, предикатами в ней выступают глаголы восприятия *обонять*, *нюхать*, *чуять*, *пахнуть*, актантами – субъект и объект восприятия [S + P + O]. Субъект обоняния – это живое существо: человек или животное. Сфера объекта обонятельного восприятия практически ничем не ограничена, им может быть любая реалья: предмет, вещество, живое существо, обладающие запахом. С семантической точки зрения его также можно квалифицировать как источник, т.е. каузатор запаха, или его носитель. Грамматически позицию объекта занимает имя существительное, называющее источник запаха, иногда вместе с существительным с семой 'запах' (*аромат*, *запах*, *смерд*, *вонь*, *дух* и проч.): *Собака обнюхивает соседние кусты; Он чуял запах крови.*

В семантике глаголов *нюхать*, *обонять* отражена специфика грамматической категоризации субъекта восприятия – во-первых, как активного деятеля, субъекта действия в глаголе *нюхать* и производных от него *обнюхать*, *понюхать*, *унюхать*, *принюхаться*, *нанюхаться* (*Ты лучше в избе понюхай. И дай гостю понюхать* (Вл. Войнович)) и, во-вторых, как пассивного субъекта в глаголах *обонять*, *чуять*, глаголах общей перцептивной семантики *чувствовать*, *воспринимать*, *ощущать*, глаголе слухового восприятия *слышать*. Иначе говоря, в русской языковой картине мира обоняние представлено как два разных типа восприятия – активный и пассивный: обоняние-действие и обоняние-состояние. Оно, на взгляд носителей русского языка, может иметь синестетический характер, действуя в комплексе со слуховым восприятием, что отражено в использовании предиката *слышать*: *От него уже был слышен сильный трупный запах* (В.М. Гаршин).

Отглагольные имена *нюх*, *чутье*, *обоняние* характеризуют способность субъекта – одушевленного лица к осуществлению восприятия как действия. Так, высокая способность к обонятельному восприятию описывается как *тонкий/ острый нюх*, *тонкое/ острое чутье*, *развитое обоняние*. Метафорически они могут обозначать способность человека к интуитивному восприятию, угадыванию: *Осторожный по привычке, молчаливый из расчета, генерал Ратмиров, подобно трудолюбивой пчеле, извлекающей сок из самых даже плохих цветков, постоянно обращался в высшем свете – и без нравственности, безо всяких сведений, но с репутацией дельца, с чутьем на людей и пониманием обстоятельств, а главное – с неуклонно-твердым желанием добра самому себе – видел наконец перед собою все пути открытыми...* (И.С. Тургенев. Дым); *У него нюх на такие дела ого какой!* (Вл. Мирнев). См. также устойчивое выражение *нюхом чувствовать* «что. Прост. Воспринимать что-либо чутьём, интуицией. *Воропаев отлично знал по карте и ещё более нюхом чувствовал те места. Сколько раз исходил он долину Дуная в своём воображении* (П. Павленко. Счастье)» [4].

Аналогичную метафоризацию обонятельного восприятия находим и в английском языке: *to have a nose for*, эквивалентное русскому *иметь нюх (на)*, например: *As a journalist, she has always had a nose for a good story*. В английском языке, в отличие от русского, семантика способности к обонянию метонимически развилась у наименования органа обоняния *a nose*, у которого появилось вторичное значение «нюх, чутье»: *a keen nose for absurdity* ≈ острое чутье на глупость; *The crowds who always have a nose for personality*.

Глагол *снюхаться* в русском языке приобрел метафорическое значение «сблизиться, сдружиться» в результате переноса характеристики поведения животных при встрече, в первую очередь собак, на действия людей: *Получил он свое воспитание в*

Москве, сперва на счет какого-то дяди, а потом, когда он подрос и оперился, на счет одного богатого князька, с которым *снюхался*... ну, извините, не буду... с которым *сдружился* (И.С. Тургенев. Рудин).

Фразеологизм *понюхать пороху* имеет значение «испытать трудности, приобрести опыт в опасных, сложных ситуациях», восходящее к более раннему значению «принять участие в военных действиях, повоевать», см., например: *Пускай послужит он в армии, да потянет ляжку, да понюхает пороху...* (А.С. Пушкин) [2]. Эта идиома имеет эквивалент в английском языке *to smell gunpowder* (дословно: понюхать пороху) с аналогичным значением.

Семантика глагола *пахнуть* "издавать, источать какой-либо запах" исключает из поверхностной структуры субъект обоняния и переводит объект восприятия в основную грамматическую позицию, т.е. он относится к глаголам проявления запаха. Ситуация обоняния, закодированная в глаголе *пахнуть*, выглядит следующим образом: субъект восприятия не эксплицируется в поверхностной структуре, объект восприятия (источник запаха) занимает позицию грамматического субъекта – подлежащего, в качестве второго актанта может выступать квалификатор – наречие или существительное в тв.п.: *Весь пропах дегтем, табаком* (А.Н. Толстой); *Лес пах смолой и прелой листвой*; *Рубашка пахла дорогим одеколоном*.

Отсутствие валентности субъекта в глаголе *пахнуть* ослабляет процессуальную семантику активного действия в нем, одновременно усиливая значение статальности, что приводит к частотности его безличного употребления для обозначения состояния окружающей среды: *В лесу пахло смолой и прелой листвой*; *В спальне пахнет свежестырытым бельем*. Как мы видим, в безличных конструкциях объект восприятия - источник запаха смещается с позиции подлежащего и занимает позицию актанта, обозначающего среду проявления запаха, который репрезентируется либо предложно-падежными словоформами, либо локальными наречиями *вокруг, всюду, везде, здесь, тут* и т.п.: *Всюду пахнет дымом*; *Но и там еще пахло русским духом* (А.Н. Толстой).

Причину подобных семантико-синтаксических преобразований объекта в ситуации обонятельного восприятия исследователи объясняют семантической недостаточностью базовых номинаций *запах, аромат, пахнуть*, которая восполняется употреблением различных квалификаторов объекта, называющих источник запаха, его каузатор, качественные характеристики, что придает комплексный характер объектному актанту [1].

К группе глаголов проявления запаха как свойства относятся *разить, благоухать, вонять, смердеть*. Запах в позиции субъекта функционирует в двух основных синтаксических моделях: [S + V + квалификатор], [S + cop + Adj].

В первой он выполняет функцию субъекта действия, а позицию предиката занимают глаголы с семантикой возникновения, исчезновения, распространения запаха, в нее также включаются различные квалификаторы (*Аромат цветов заполнил все вокруг*); во второй запах выступает носителем признака, а в качестве предиката выступают прилагательные различной квалифицирующей семантики (*Даже запах от платья Лефорта был не русский, иной, весьма приятный...* (А.Н. Толстой); *Вонь в цеху была невыносимая*).

Для носителя русской лингвокультуры характерно феноменологическое понимание запаха как субстанции, которая может существовать и действовать автономно от человека, самостоятельно появляться, распространяться, исчезать, может обладать собственными признаками и свойствами и т.п. Это представление о запахе эксплицируется в способности его обозначений сочетаться в речи с глагольными предикатами возникновения, распространения, проникновения, исчезновения: *возникать, появляться, рождаться, порождаться, разноситься, распространяться, наполнять, заполнять, проникать, пропитываться, исчезать, пропадать, улетучиваться* и т.п.

Динамичный характер запаха как субъекта проявляется в метафорических сочетаниях с глаголами, обозначающими движение воды: *струиться, литься, сочиться, нахлынуть, пропитывать*; движение воздуха, ветра: *обдавать, веять, пахнуть, опануть*. Как одушевленное существо запах предстает в метафорах с глаголами физического движения: *запах движется/ идет/ стоит*; а метафорические выражения *запах ударил в нос/ бьет в нос/ шибает в нос* описывают запах как агрессивное живое существо, способное к нападению. Например: *Гладышев растворил эту дверь, и оттуда сразу шибануло таким запахом, что Чонкина зашатало от неожиданности, так что если бы он сразу не зажал нос двумя пальцами, то, может быть, и упал бы* (Вл. Войнович).

Прототипическая ситуация обонятельного восприятия реализуется на синтаксическом уровне в нескольких поверхностных структурах и моделях, в которых позиция субъекта обоняния может быть формально не замещенной, но на глубинном уровне позиции субъекта и объекта восприятия сохраняются неизменными, отражая в имплицитном виде типические представления носителей русского языка.

В функции предиката в предложениях, содержащих ситуацию обонятельного восприятия, могут использоваться глаголы с семантикой эмоциональной оценки (*наслаждаться, восторгаться, получать удовольствие, восхищаться, вызывать отвращение* и т.п.), эмоционального отношения (*любить, нравиться, ненавидеть* и т.п.), интеллектуальной деятельности (*напоминать, вспомнить, узнать, угадать, хранить в памяти* и т.п.): *Помнится утро с запахом соломы, которою топили дом* (В.М. Гаршин). В них, как мы видим, содержание предложения носит полипропозитивный характер, пропозиция обоняния (*с запахом соломы*) свернута, а на первый план выдвинута пропозиция интеллектуального действия (*помнится*), связанного с восприятием.

Исследователи отмечают национальную специфичность языковой концептуализации ситуации восприятия запаха носителями русского языка. В частности, основные глагольные предикаты представляют разные способы восприятия запаха: активное восприятие в глаголе *нюхать*, пассивное восприятие в глаголе *обонять* и проявление запаха как свойства в глаголе *пахнуть* [3]. Заметим, что подобная дифференциация способов восприятия характерна не для всех языков. Например, в немецком языке значения активного, пассивного восприятия и проявления запаха выражается одним полисемантическим глаголом *riechen*; в казахском языке не дифференцируются активный и пассивный способы обоняния, они представлены в одном глаголе *иіскеу*, а проявление запаха как свойства фиксируется с помощью вспомогательного глагола *шығу/ шығару* при существительном *иіс* со значением "запах": *иіс шығу, иіс шығару*.

Таким образом, мы рассмотрели специфику семантико-синтаксических функций запаха как объекта и субъекта в пропозиции обонятельного восприятия, которая репрезентируется в русском языке в нескольких синтаксических моделях, базовой из которых является модель [S + P + O]. На дальнейшее развитие синтаксических репрезентаций ситуации обонятельного восприятия существенное влияние оказало концептуальное содержание и лингвокультурологическая нагруженность лексических номинаций компонентов этой ситуации.

Литература

1. Кундик, О.И. Специфика синестезийных словосочетаний в русском и английском языках / О.И. Кундик: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Саратов, 1997. – 18 с.
2. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // М: Олма Медиа Групп, 2007.
3. Рузин, И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И.Г. Рузин: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1995.
4. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров.– М.: Астель, АСТ, 2008.